

М. В. Нащокина

Проблемы сохранения русского деревянного зодчества в начале XXI века

Свидетельства о бедственном положении русского деревянного зодчества, будь то на Русском Севере или в центре России, давно стали общим местом в специальной литературе и публицистике. Однако при этом, в первую очередь, подразумевают непростительные утраты каталожных архитектурных памятников, к сожалению, особенно участившиеся в последние два десятилетия, — старинных сельских храмов, часовен, мельниц, амбаров и других редких штучных сооружений. Данная статья посвящена проблеме исчезновения с лица земли традиционного деревянного жилища как явления.

Всего лишь 30 лет назад даже в Подмосковье можно было найти дома не только с пропильными наличниками, но и украшенные глухой резьбой — этим древнейшим приемом украшения, а также деревянные храмы, ветряные мельницы, амбары, пожарные каланчи и риги¹. Новые деревянные храмы и часовни в последние годы начали строить широко, а вот русский деревянный дом практически бесследно исчезает, особенно быстро в центре России, до неузнаваемости преобразяя целые сельские регионы и районы больших городов.

Этот процесс давно охватил сельскую Россию. Достаточно упомянуть печально известные советские постановления о неперспективных деревнях, чтобы представить себе масштабы разрушения 1960-1980-х гг. Непростительна утрата сотен так называемых «неперспективных» деревень и сел Русского Севера и Центральной России и их архитектурного наследия! И все же, в силу экономических причин, кажется, что про-

цесс «раскрестьянивания» России шел прежде не так быстро, как в последние 20 лет, и не принимал тотального характера². На селе, где живут сегодня чуть побогаче, дома кирпичные или блочные, более дорогие и действительно более долговечные, неуклонно вытесняют деревянные.

Быстро исчезает и традиционная городская деревянная застройка. Приведу лишь несколько примеров — еще в 1970-е годы в значительной степени была утрачена добротная деревянная Тула; примерно тогда же начали таять деревянные кварталы Архангельска, включая Соломбалу; в последние 15—20 лет практически полностью исчез деревянный Тобольск; угроза полного уничтожения нависла над интереснейшим деревянным наследием Иркутска; на очере-ди деревянные кварталы Саратова, Самары; в Подмосковье в те же 1990-е годы исчезли деревянные павильоны пригородных вокзалов, проектируемые Ф.О. Шехтелем. И этот список можно продолжать бесконечно. Утрату исконных строительных традиций наглядно демонстрируют многие пригородные деревни и села, которые постепенно превращаются в скопища грузных кирпичных кубов — разномастных, разностильных, и, как правило, не имеющих никакой связи со сложившимся образом сельского дома и окружающим ландшафтом. Иными словами, перед нами реальный, протекающий на наших глазах социокультурный процесс, причины и следствия которого хотелось бы представить заранее.

Конечно, никто не взывает к нереальной цели сохранения всего существующего деревянного жилого фонда России. Речь, скорее, идет об

¹ Зайцев Б., Пинчуков П. Солнечные узоры. М., 1978. С. 5–6.

² Сегодня уничтожение колхозов и совхозов привело к массовой безработице, общему упадку сельского хозяйства и, как следствие, к опустошению множества некогда «справных» и многолюдных сельских поселений. Пустые разрушающиеся дома встречают каждого путешествующего по дорогам страны, а их хозяева пополнили население городов.

отношении к традиционным культурным ценностям, включая жилище и образ жизни, будь то села или провинциального города. Ведь уходит не просто тип постройки, а огромная часть национальной культуры, даже не изученная во всей своей глубине и многогранности. Хотя деревянных строений и сегодня еще немало в деревнях, селах и некрупных городах, но они исчезают прямо на глазах. И если не воспрепятствовать сейчас их тотальному исчезновению, процесс окажется необратимым, и мы лишимся наследия, которое ныне составляет абсолютную ценность любого развитого европейского государства, хорошо понимающего, что сбережение традиционного сельского и городского жилища одно из важных оснований самоуважения нации и едва ли не самое наглядное свидетельство ее права на занимаемую территорию. Как писала глубокий исследователь русской деревни Марина Громыко, «подход к индивидуальности любого народа должен быть таким же, как к личности отдельного человека. Исполненным уважения, прежде всего»³. В небольшой статье, естественно, не охватить всех аспектов этой широчайшей темы, попробуем обозначить лишь некоторые. Как мы оцениваем и хотим ли сохранить свой национальный тип жилища? И, если хотим, что для этого нужно делать? Это и является предметом последующих рассуждений.

* * *

«Не так уж давно было время, когда жизнь человека целиком определяло дерево. Русь со своими белокаменными храмами все же называлась деревянной: из дерева делался крестьянский дом, из дерева выдалбливались детская колыбель, вырезались чашки и ложки, стругались доски для домовины», — так писали архитекторы-реставраторы 1970-х годов, создававшие музей деревянного зодчества в подмосковной Истре⁴. Как известно, истоки русского деревянного дома, еще недавно покрывавшему всю Центральную Россию — с севера на юг и с запада на восток, уходят в глубь веков, а его удивительная жизнеспособность и устойчивое использование вплоть до конца XIX века, обусловлены одной из главных особенностей нашей страны — ее лесным богат-

ством, а также поразительной приспособленностью деревянного жилища к климату и быту русского человека.

Учитывая региональную разницу природных условий и сложившихся строительных особенностей, исследователи уже в 1920-х годы разделили деревянные крестьянские дома по географическому принципу — северорусские, поволжские и южнорусские⁵. В 1970-е годы, отмеченные серьезными этнографическими исследованиями, эта классификация была уточнена, составив шесть основных типов — русские, среднерусские, западнорусские, южнорусские, жилища Дона, жилища Кубани и Терека⁶. Любопытно, что Московская губ., благодаря своему срединному положению и издревле налаженным связям со всей страной в этом смысле «стала своеобразным узлом, в котором сплелись различные формы крестьянского жилища, от северорусских до южнорусских, от восточных, доходящих чуть ли не до Сибири, до западных, простирающихся вплоть до Прибалтики»⁷. Другими словами, в каждом из регионов нашей страны деревянный крестьянский дом имел свои образные, художественные и строительные особенности, испокон веков обеспечивая и развивая богатство традиционной народной культуры.

Хорошо известно, что деревянный дом на Руси считался более здоровым, чем каменный. В средние века даже в богатых боярских усадьбах преобладали деревянные постройки или надстройки над каменными подклетами и этажами. Скажем, сохранившиеся псковские каменные дома XVII в. были только основанием для деревянных, собственно жилых этажей. *Светелки, теремки, повалуши, башенки* — все эти деревянные сооружения во многом сформировали наши представления о красоте в архитектуре. Когда уже в Новое время некоторые помещики-филантропы пытались переселить своих крестьян в каменные дома, чтобы уберечь их от частых пожаров, те искренне полагали, что их специально хотят извести, поскольку в каменном доме жить нездорово. Исторически сложившийся приоритет деревянного дома, его красота, сравнительная легкость постройки и ремонта превратили его в традиционный национальный

³ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 7.

⁴ Зайцев Б., Пинчуков П. Солнечные узоры. М., 1978. С. 5.

⁵ Толстов С.П. К этнологической систематике элементов великорусской культуры жилища в средней России // Культура и быт населения центрально-промышленной области. М., 1929.

⁶ Бломквист Е.Э., Ганицкая О.А. Типы русского крестьянского жилища сер. XIX — нач. XX вв. // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.

⁷ Зайцев Б., Пинчуков П. Солнечные узоры. М., 1978. С. 15.

Кроткий Майдан

тип жилья, сравнительно мало изменившийся с течением времени и органично вошедший в совокупный зрительный образ России. А. С. Пушкин совершенно справедливо замечал: «Наружный вид русской избы мало переменился со времен Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его „Путешествию“. Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году»⁸.

Конечно, крестьянский дом, как и другие типы деревянных построек⁹, тоже менялся, особенно в Новое время, в той или иной степени испытывая влияние городской культуры, что довольно заметно в его декоративном убранстве. К примеру, нарышкинский стиль и петровское барокко

отразились на оформлении наличников деревенских домов, а почти столетняя эпоха классицизма привела в отдельных местах (в основном в зоне влияния крупных городов) к рождению так называемого крестьянского ампира¹⁰; в свою очередь, развитие дачного строительства в русском стиле повлияло на появление многочисленных мезонинов и широкое использование пропильной резьбы, в которую, к слову сказать, повторно вернулась древняя солярная символика. Как описывал этот процесс в 1920-х годах теоретик русской архитектуры А. И. Некрасов, «часто мы замечаем... отзвуки современной городской культуры; появляются даже садики за решетками перед избами; крылечки растут до размеров террасы; балкончики

⁸ Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург. М., 1981. Собр. соч. Т. 6. С. 180–205.

⁹ В. В. Суслов — один из первых исследователей русского деревянного зодчества, так писал в 1888 г. об изменении облика старинных храмов в «Путевых заметках о севере России и Норвегии»: «И теперь трудно представить себе, до какого безвкусия дожил наш народ... Везде, где только является возможность сделать обновление древней церкви или создать новую, лежит петь жалкого подражания современности. Большинство виденных мной церквей переправлено в такой степени, что затеряны не только детали их, но искажены и самые формы. Грустно думать, что за какое-нибудь столетие народ окончательно убил в себе все вековые традиции и даже не видит достоинств своего прошлого».

¹⁰ Слудняков А.О. Об архитектуре деревень Лампово и Кургино (Ленинградская область) // Народное зодчество: Межзональный сб. Петрозаводск, 2004. С. 268.

Борисово-Покровское

свисают от чердачного окна, увеличивающегося и превращающегося в дверь мансарды. Изба готовится превратиться в дачу»¹¹.

Предпочтение, которое издревле оказывалось именно деревянному жилью, касалось не только крестьян, но и всех остальных сословий. Даже тогда, когда деревянные терема, бочки, кокошники, лемех уступили место колоннам, фронтонам и сандрикам, деревянный дом оставался главным типом жилья не только на селе, но и в городе¹². Стоит напомнить и тот факт, что Москва после пожара 1812 года была в значительной степени отстроена из дерева (вплоть до 1970-х годов в городе сохранялись целые деревянные районы). Неслучайно мещанские, купеческие, дворянские деревянные жилые дома составляли вплоть до Великой Отечественной войны основной массив жилого фонда не только в

большинстве средних и мелких провинциальных городов, но и в городах губернских, причем немало их сохранилось до конца XX века. Из дерева же были сделаны и многие сотни помещичьих усадебных домов XVIII — начала XX века. (К сожалению, большинство их в настоящее время утрачено, причем немало исчезло в последние 20 лет.) Достоверный очевидец этой культуры И. А. Бунин, описывая степную усадьбу с деревянным домом под соломенной крышей и такими же дворовыми постройками, утверждал: «Склад средней дворянской жизни еще и на моей памяти, — очень недавно, — имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию»¹³. Все это, несомненно, указывает на глубокую традиционность и универсальность русского деревянного жилого дома.

¹¹ Некрасов А.И. Русское народное зодчество // А.И. Некрасов. М., 1924. С. 19.

¹² Нельзя не заметить и противоположную тенденцию, инициированную государством: с помощью законов деревянную застройку постепенно вытесняли из центров крупных городов, что было связано с частыми городскими пожарами, которым скученность деревянных строений придавала нередко катастрофические масштабы.

¹³ Бунин И.А. Антоновские яблоки // Бунин. И.А. Собр. соч. Т. 2. М., 1987. С. 162–163.

Безусловно, все это хорошо известно историкам, этнографам, культурологам. Однако вряд ли можно утверждать, что это общеизвестно. Вследствие последовательной почти столетней пропаганды городского образа жизни и быстро протекающей урбанизации, традиционный русский деревянный дом почти совсем потерял привлекательность в качестве основного жилья. Большинство горожан и даже сельских жителей перестало воспринимать его и как национальное культурное достояние, и как эстетическую ценность. Об этом можно судить не только по опросам населения, которое до сих пор в основном мечтает переехать в многоквартирные новостройки, но и по дачной застройке последнего времени, в которой явно преобладают капитальные строения. Если в московских или петербургских пригородах строятся деревянные постройки, то состоятельная публика предпочитает отнюдь не русский дом, а финские сборные и немецкие фахверковые дома или швейцарские шале. И, кстати, понятно почему: в Скандинавии (Финляндии, Норвегии, Дании), Швейцарии, Германии, Франции, да и по всей Европе процветает подлинный культ своего национального дома, который бережно и любовно, до мелочей, обижжен и приспособлен к современным требованиям комфорта. Сразу оговоримся, что экономика здесь ни при чем, к примеру, в Финляндии деревянные дома в городке Порвоо (Борга) помогают поддерживать государство, активно развивающее туризм, а в Швейцарии, где строили и строят традиционные деревянные шале, их стоимость намного превосходит стоимость каменного жилья. Словом, дело в желании и в культурных приоритетах. В традиционном крестьянском доме в Европе жить престижно и удобно, что подталкивает наших богатых соотечественников к подражанию. Может, и вправду,

из великой страны мы быстро превращаемся в захудалую европейскую провинцию, а «жизнь в провинции страдает от комплекса подражания. Подражание переходит в искажение, а искажение — в гротеск»¹⁴?

Надо ли говорить, как нам не хватает почтения русского дома во всех его ипостасях — будь то величественный северный пятистенок или шестистенок, сравнительно небольшой крестьянский дом Центральной России или казацкий дом, деревянный барский дом с мезонинами и портиком или даже нарядная дача конца XIX — начала XX в. и ее более скромные советские наследницы 1930—1950-х годов? При том, что

Тотьма

¹⁴ Фазолини М. Взгляд на усадьбу, или представление провинциалов о русской столичной жизни // Русская провинция: миф — текст — реальность. М.; СПб., 2000. С. 183.

наша страна беспрецедентными масштабами экспортирует древесину и могла бы обеспечить свой народ пиломатериалами. Но делом за малым: традиционный дом без сожаления вычеркнут из национальной системы ценностей, а потому практически не востребован и стремительно уходит в прошлое. Вопрос «хотим ли мы сохранить свой национальный тип жилища и вместе с ним свою идентичность», — сегодня фактически ключевой.

Конечно, проблемы сохранения и использования городского и сельского деревянного жилья существенно отличны друг от друга. Село еще хранит память о трудившихся мастерах-плотниках, еще недавно деревянное жилье было и почитаемо и востребовано¹⁵, однако победил утилитарный принцип: любая квартира, пусть даже в неказистой пятиэтажке, оснащена инженерными сетями, которые делают ее более комфортной, требующей меньшего внимания. Но что мешает сейчас оснастить коммуникациями сохранившиеся добрые деревянные дома, особенно в городах богатых, крупных, в областных центрах? Ведь тогда владельцы старинных деревянных домиков сразу превратятся в хозяев городских особняков с приусадебными садами, что сделает их жизнь априори комфортнее и, по сути, явится реальным возрождением традиционного образа жизни русского города и свидетельством заботы облаге народа. Это, кстати, уже стали кое-где понимать сами жители, не желая расставаться с родовыми гнездами. Пример тому — борьба московских властей с владельцами деревянных домов в Бутове, на окраине города; жители Ефремова, переоборудующие деревянные дома под постоянное жилье, и т. д. Здесь сразу обозначились противостоящие «неперспективному жилью» силы, получающие сегодня сверхприбыли от интенсивного многоэтажного строительства и, естественно, не заинтересованные в сохранении исторической деревянной застройки, которая обычно занимает центральные территории в городах, а значит, самые дорогие.

Сотни опустевших деревень и сел Центральной России и безлюдье Русского Севера — одна из основных причин оскудения традиционного архитектурного наследия и исчезновения традиционного крестьянского образа жизни. Как известно, на протяжении XX столетия шло последовательное идеологическое наступление

на многие национальные культурные ценности, формировалось особое сознание поколений, утративших чувство истинной красоты и памяти. Сюда можно отнести и крестьянское мировоззрение, образ жизни, бытовой уклад и праздничные традиции, наконец, религиозные и морально-этические ценности — веру, любовь к земле, трудолюбие, общинное сознание (взаимопомощь, милосердие), честь и достоинство. По существу, целенаправленное разрушение ценностей традиционного мировоззрения началось с «раскрестьянивания», а привело к запустению во многих земледельческих районах нашего Отечества.

В какой-то мере инерция этого подхода сохраняется и сейчас. Безответственная политика вот уже почти век истребляет у русского человека привязанность к родной земле, к месту жизни и занятиям предков; почти погублено крестьянство, как самое значительное сословие дореволюционной России, фактически создавшее Россию в тех формах и культурных основаниях, которые по сей день определяют генетический код нации. Даже сегодня, когда, казалось бы, жизнь предоставляет нам широчайшую панораму гибели исторически сложившейся традиционной культуры, в том числе архитектурного наследия, мы, думается, еще не вполне понимаем последствия этого необратимого процесса. Справедливо суждение М. М. Громыко: «Критикуя недавнее прошлое, важно помнить, что многие беды случились из-за безоглядного разрушения традиционной культуры, неприятия более давнего прошлого. На него-то и нужно взглянуть — объективно, без предвзятости. Познать его и взять из него лучшее. Иначе мы будем снова разрушителями, отшатнувшимися от одних разрушений, но творящими новые»¹⁶.

Уходят, забываются плотницкие традиции, а в них — не только любовь к дереву и умение вписать постройку в окрестный пейзаж, но и веками отработанные рациональные, т.е. особые, разнообразные приемы строительства, сформировавшие гармоничные формы деревянных сооружений, в сущности оптимально приспособленные к местным условиям и образу жизни. По словам Василия Белова, «крестьянин не мог не быть плотником... Плотницкое дело пришло к нам вместе с земледелием из глубокой древности... Ясно, что мастерство плотника начиналось с „чувств

¹⁵ В северных селах в 1970-е годы еще развивались традиции накладной резьбы, которой украшали в то время наличники, карнизы и фронтоны домов. (Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов Коми. М., 1980. С. 48).

¹⁶ Громыко М.М. Указ. соч. С. 445.

Лалыск

дерева". Человеку, не ощущающему характер дерева, лучше не садиться на угол... Интересно, что в плотницком деле никогда не было профессиональных секретов, знание считалось общенародным: постигай, черпай, насколько хватает ума и таланта¹⁷. Этот труд неслучайно называли плотницким искусством, там было место не только знанию и умению, но и собственной индивидуальности, таланту. «Неуловима, ускользающе неопределенная граница между обычным ручным трудом и трудом творческим... во всех народных промыслах есть этот неуловимый переход от обязательного, общепринятого труда к труду творческому, индивидуальному»¹⁸.

Дольше сохранявшаяся вдали от катализмов ХХ в. северная деревня доныне — хранительница самобытной русской культуры. В основе этой культуры лежал принцип разумного использования природных богатств — земли, леса, озер и рек, и разумное обустройство духовной и повседневной жизни человека. Летняя и зимняя части года имели разное трудовое и содержательное наполнение. Лето — пора коллективного

труда, зима — время отдыха и домашней работы в камерном семейном кругу. Большинство земель не только центральной, но и северной части России издревле были пахотными, что документально подтверждают исследования археологов¹⁹. Земля — мать, кормилица, основа жизни и место последнего упокоения. Как много вмещает в себя это понятие для русского человека.

Вячеслав Иванов — известный мыслитель русского «Серебряного века», стремясь объяснить непреодолимую двойственность исторического бытия России, размышлял об извечной противопоставленности «царства» и «земли», придавая этим понятиям обобщающее значение. Первое обозначает не только царство или империю, но государство как структуру и все, что с ним связано, второе — глубже и богаче, вмещает множество смыслов: «Слово земля обозначает в первую очередь территорию, на которой расселился русский народ. Он отвоевал ее себе в процессе долгой колонизации, осваивал топором и плугом... Земля означает далее собственно русскую народность, Русь, понимаемую как

¹⁷ Белов Василий. Лад. М., 1989. С. 42, 45.

¹⁸ Там же. С.100.

¹⁹ Это документально иллюстрируют раскопки Института археологии РАН (руководитель — Н. Макаров) в вологодском селе Минино. (Дементьев В. Зона риска или точка роста? // Литературная газета. 2009. №3—4. (6208). С. 12).

Владимирское

некий общественный организм, как носитель своеобычной, по большей части земледельческой культуры... Земля сохраняет и поддерживает свои особые духовные традиции, из которых наиглавнейшая — стремление к независимости и глубокая искренность в вопросах, касающихся церкви и религиозной совести. Именно земля, а не царство, подлинная духовная родина нашего народа. Именно здесь корни его неповторимого творчества, воплощающегося в искусстве, в мифе и песне, именно здесь надобно искать сокровенное святилище его чистой души»²⁰.

Исчезновение потомственного земледельца, пахаря, крестьянина, неизбежно ведет к утрате значительной части исконных традиций и серьезным изменениям в

культурных ориентирах народа. В докладе об архитектурном наследии Венеции, прозвучавшем в Москве в 1982 г. (на международной конференции, посвященной Андреа Палладио), Р. Чевезе высказал, на первый взгляд, немного странное суждение: «Проблема сохранения Венеции — это проблема сохранения венецианцев». Глубочайший смысл его для нас в те годы еще не был столь очевиден — казалось, что спасти Венецию могут только дорогостоящие инженерные мероприятия, комплексные реставрационные работы и т. д. Но ведь Венеция — это не только дома и храмы, но прежде всего ее жители, создававшие в течение столетий уникальную атмосферу города, особый образ жизни, свое понимание искусства, свои традиции, праздники, умение преодолевать бедствия. Отток вене-

ли, создававшие в течение столетий уникальную атмосферу города, особый образ жизни, свое понимание искусства, свои традиции, праздники, умение преодолевать бедствия. Отток вене-

Ключищи

²⁰ Там же. С. 103, 105.

цианцев, продающих свои дома и квартиры богатым иностранцам, посещающим их лишь изредка, неизбежно выхолащивает неповторимый творческий дух Венеции, превращает ее в город безудержного потребления, один из многих туристских центров мира. Не будем вдаваться в подробности, какие меры принимает Италия для противостояния этому процессу. Подчеркнем лишь, что вывод, к которому давно пришли итальянские ученые и архитекторы, носит, безусловно, всеобщий характер — сохранение физических параметров архитектурного наследия

без заинтересованного в этом населения и хотя бы частичного сохранения соответствующего ему образа жизни попросту невозможен. Вот почему безлюдье Русского Севера — это не только причина оскудения традиционного архитектурного наследия, но и общенациональная культурная катастрофа!

Сейчас в градостроительстве существует три подхода к формированию системы расселения: условно сплошной (он характерен для маленьких государств, где ощущим дефицит территории), территориально-концентрированный и территориально-деконцентрированный. Если территориально-концентрированный подход (а именно он в последние годы осуществляется у нас на практике) ведет к дальнейшему сосредоточению мест приложения труда и населения в городах-мегаполисах, увеличению их числа, массовой застройке пригородов и сплошному расселению вдоль железнодорожных магистралей, а также к «ликвидации до 1/3 сельских населенных пунктов, на которые якобы не хватает населения страны», то деконцентрированный предполагает отказ от дальнейшего умножения агломераций и «сохранение всех существующих населенных

Спасо-Суморин м-рь

пунктов в районах с достаточно благоприятным климатом для жизни, и развитие в них сельского, рыбного, охото-промыслового хозяйства и соответствующих перерабатывающих производств, при одновременном выполнении экологического и туристско-рекреационных функций»²¹.

Конечно, в данном сообщении неуместно вдаваться в анализ политических причин предпочтения территориальной концентрации, находящейся в явном противоречии с гигантским территориальным ресурсом страны. Но, к сожалению, в планах некоторых нынешних реформаторов в рамках этого подхода печально известные советские постановления о неперспективных деревнях приобретают еще более чудовищные формы. «Современная северная деревня переживает социальную катастрофу. Государство потратило когда-то огромные силы для освоения этих мест. Однако в условиях современного мира вся эта прошлая деятельность по освоению крайних рубежей в значительной степени потеряла смысл. Экономика пошла иным путем. Под влиянием глобализации значимость и важность регионов заметно меняются — одни выходят на

²¹ Эпштейн А.С. Критерий эффективности архитектуры, градостроительства и жилищной политики // Вопросы теории архитектуры. Архитектура и культура России в XXI веке. (Сб. науч. тр. и докл. 4-х и 5-х Иконниковских чтений)/ Под ред. И.А. Азизян. М., 2009. С. 317–318.

Лежнево

первый план, другие теряют традиционное значение. Прежняя заселенность там уже не нужна. Ранее распаханные территории — тоже»²². Так *ничтоже сумнящиеся* в собственной компетентности расправился с Русским Севером некий социолог, которому, по его словам, «доверили руководить изучением проблем этого региона»²³. Не вдаваясь в полемику, заметим, что, к примеру, в Эстонии Евросоюз приплачивает всем владельцам сельхозугодий, чтобы они, несмотря на небольшую прибыль, не меняли их профиль. Здесь же идет речь об отказе от использования значительной части страны. Ясно, что такие чудовищные по своим последствиям проекты может остановить только сам народ, воля или безволие которого, в конечном счете, и определяют ход исторического процесса.

Серьезные ученые наглядно показывают, что путь безудержной концентрации населения в нескольких городах без учета их региональных возможностей, естественных ограничений их развития и, наконец, стратегической значимо-

сти разрушителен и ведет к «снижению эффективности, темпов роста и конкурентоспособности российской экономики и превращает бизнес, власти всех уровней и саму градостроительную деятельность в угрозу экономической безопасности и политической целостности Российской Федерации»²⁴. По их мнению, «основная масса жилья должна вводиться сегодня в непривлекательных для бизнеса малых городах и в глубинных сельских населенных пунктах, которые по геополитическим и нравственным соображениям должны быть сохранены любой ценой»²⁵.

Это вполне согласуется и с тенденциями мирового градостроительства. Не так давно в США родилось движение «неотрадиционализма»²⁶, предполагающее изживать глобальную разобщенность людей в мегаполисах путем сохранения и развития традиционного образа жизни в малых населенных пунктах. На 10-й Международной архитектурной биеннале в Венеции в 2006 г. миру было предъявлено новое направление, получившее название «новый урбанизм», также ставящий своей целью вернуть в практику ценности утраченного в ходе урбанизации традиционного образа жизни горожан.

В мае 2009 г. премьер-министр РФ В. В. Путин выступил с программой малоэтажного строительства на пустующих и заброшенных землях министерств и ведомств, которую уже образно окрестили «Одноэтажная Россия». Он отметил, что строительство должно вестись на «пользуемых землях, находящихся в федеральной собственности» и что это должно быть действительно доступное и одновременно качественное жилье — небольшие дома, построенные по

²² [Покровский Н.]. Средство от фантомных болей // Литературная газета. 2008. №48 (6200).

²³ Вспоминается Александр Солженицын, который писал потрясенный из старинного Кашина, узнав о бедственном положении старой городской библиотеки (с 1882 года!): «Проклятые грязнохваты, клыками рвущие русское добро! Как вы не подавитесь? Объели все наши живые ветви».

²⁴ Эпштейн А.С. Указ. соч. С. 317.

²⁵ Там же. С. 321.

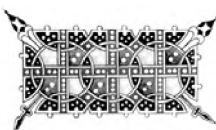
²⁶ Крайняя Н.П. Кризис урбанизма и пути его преодоления // Вопросы теории архитектуры. С.331.

современным стандартам, энергоэффективности и экологии, которые будут стоить не дороже, а порой и дешевле обычных городских квартир». В. В. Путин особо подчеркнул, что «речь идет не об особняках, площадью несколько сотен квадратных метров, а о востребованном малоэтажном жилье эконом-класса». Судя по интернет-ссылкам, на это живо откликнулись многие провинциальные города. Пока трудно судить о возможных результатах нового начинания, но хотелось бы надеяться, что эта программа станет началом пересмотра отношения к традиционному индивидуальному русскому дому, а также предусмотрит инженерное переоборудование и сохранение наиболее ценной исторической деревянной застройки городов и сел, которая может стать своеобразным архитектурным эталоном для новой «одноэтажной России».

Итак, хотим ли мы сохранить деревянный дом — этот древнейший национальный тип жилища? Чтобы народ сознательно ответил «да», ему необходима не только материальная поддержка. Сегодня нужно очень многое сделать для коренной общественной переоценки исконных национальных ценностей — мировоззрения, архитектуры и народного искусства, быта и образа жизни. Вячеслав Иванов писал: «На каждом повороте нашего исторического пути мы

сталкиваемся с нашими *принципиально русскими* вопросами: о разрыве и противоречии между органическим содержанием жизни... и действиями и устремлениями тех социальных групп, на которых держится государство и культура и которые... призваны формировать это самое содержание, но на самом деле всячески откращиваются от него, а то и предают, — о глубинной связи с исконными традициями и отказе от каких бы то ни было корней, — о памяти, лишенной жизни, и о жизни, лишенной памяти. Ибо наша народная душа не нашла еще свою окончательную форму, как не нашла своего исторического воплощения и последняя воля народа, и по-прежнему стоит перед нами задача, которую предстоит решить на путях духовного становления, та задача, которую Достоевский называет „самостоятельной русской идеей“, каковую России еще предстоит родить в муках невыразимых»²⁷.

Думается, путь к этому лежит только через обретение вновь чувства собственного достоинства народа, уважения к самим себе, своим корням и национальной культуре. Осознание непреходящей ценности и сбережение традиционного русского деревянного дома — одна из составляющих этого необходимого, но нелегкого процесса.

²⁷ Иванов Вяч. Русская идея // Символ, 2008, Париж-Москва, №53—54. С. 97.